

ПРОСТОЙ ИНДИКАТИВ В ВЫГОЛЕКСИНСКОМ СБОРНИКЕ¹

Выголексинский сборник (далее — СбВ) датируется концом XII в. Он включает древнейшие славяно-русские списки двух переводных текстов — Жития Нифонта Констанцского (далее — ЖНК) и Жития Феодора Студита (далее — ЖФС). ЖНК в СбВ является переработкой пространной редакции Жития Нифонта, сохранившегося в славяно-русском списке 1222 г. Есть основания предполагать, что краткая редакция, отраженная в СбВ, возникла в Древней Руси, чем и объясняется проникновение в текст немало числа фонетических и морфологических русизмов. Есть в краткой редакции и лексические замены, в том числе русизм **МАЛЪ ПЪРЪ ТЪКЪ**, заместивший лексему **САЖЕЦЬ** пространной редакции (см.: [Пичхадзе, 1998, с. 480–481]).

ЖФС — плод труда древнерусских переводчиков и включает ряд лексических русизмов, в том числе такой раритет, как слово **АКОНО** ‘словно, якобы’, нестандартным образом точно передающее греч. $\delta\eta\theta\epsilon\nu$ (см.: [Пичхадзе, 2011, с. 37]). А. А. Пичхадзе установлено, что в промежутке текста на л. 102–117 произошла смена переводчика, однако лексические русизмы представлены в обеих частях перевода [Пичхадзе, 2011, с. 38].

СбВ записан одним писцом. Вкрапления второго почерка в объеме примерно одного листа имеются лишь на л. 164 об. — 166 [Голышенко, с. 11].

Таким образом, в СбВ выступает уникальное сочетание историко-лингвистических данных: в нем представлены самые ранние списки переводов двух житий; ЖНК является древнерусской краткой переработкой пространной редакции; две части ЖФС переведены в Древней Руси разными переводчиками; сборник переписан одним писцом, вкрапления второго почерка имеют объем около 1 листа. Указанные разнородные характеристики обладают большой мерой информативности при соотнесении их с функционированием грамматических категорий и форм. В данной статье будет рассмотрено распределение ряда простых индикативных форм в СбВ в трех его частях — в ЖНК и в двух частях ЖФС. СбВ до сих пор в этом отношении не был изучен. Это позволит установить, насколько три типа перевода различаются в употреблении форм простого индикатива, и, таким образом, объективно охарактеризовать функциональную и узуальную природу вариативных форм.

Первая часть СбВ — ЖНК (л. 1–33) — имеет меньший объем по сравнению с примерно равными второй и третьей частями — ЖФС (л. 33 об. — 171). Нижняя предполагаемая граница — л. 102 — смены переводчиков в ЖФС точно совпадает с серединой текста, и можно предполагать, что это не просто случайное совпадение.

1. «Нулевые» формы презенса 3 л. Фонетические инновации

В СбВ употребляются древнерусские формы презенса 3 л. ед. и мн. ч. на **-ТЪ**, в отличие от старославянских форм на **-ТЪ**. Вместе с тем в древнерусских источниках представлены, наряду со стандартными так называемые нулевые формы презенса 3 л. ед. и мн. ч. без конечного **-ТЪ**. Подобные формы наследуют индоевропейско-праславянский архаизм, являясь рефлексом инъюнктива-конъюнктива с вторичными окончаниями ***-t** и ***-nt**, поэтому они обнаруживаются и в старославянских протографах древнерусских списков, однако в древнерусских памятниках нулевые формы более частотны и могут не иметь соответствий в первоисточниках, являясь самостоятельным феноменом древнерусского языка (см.: [Жолобов, 2012; Жолобов, 2013; Жолобов, 2014a]).

В ЖНК встретились 2 нулевые формы 3 л. ед. ч. у вспомогательных глаголов в составе перфекта и в составе будущего сложного I: **ѢСТЪ**, **ХОУѢ** вместо стандартного **ѢСТЪ**, **ХОУѢ** вместо

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 15-04-00283). Статья по докладу на 8-й Международной научной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (проект РГНФ № 15-01-14013).



стандартного книжного **ХОЩЕТЬ**, ср.: **АЩЕ ТН Е БЪ МОН ПОВЕЛѢЛЪ ПОГОУБИТИ МЯ · ДА ПРИМОУ СЪ БЛАГОДАРЕННЕМЪ БА МОЕГО ПОВЕЛѢННЕМЪ ЖНК** 6 об., 9–12; **ШХЪ ТѢБЕ НЕУСТЫЖАЯ ШКАНЬНАЯ ДШЕ · КДЕ ТН ХОУЕ ШЕНТЕЛЬ БЫТИ ВЪ ДНЬ ГЪРЪДЫН** 26 об., 9–12².

Употребление первой формы соответствует правилу энклитик в книжных текстах: в начале фразы после энклитики более высокого ранга — 8-й ранг после 7-го (связочный глагол в 3 л. ед. ч. после ДП ед. ч. личного местоимения 2 л.) (см.: [Зализняк, 2008а, с. 36–38]). Любопытно, что и вторая нулевая форма занимает место фразовой энклитики, хотя ее энклитический статус нигде пока не отмечался. Употребление нулевых форм однотипно и в другом отношении. Оно точно соответствует их функции в древнерусском языке — выражать значение нефактивного, потенциального, прогнозируемого действия. Принадлежность данных форм древнерусскому редактору подчеркивается восточнославянской огласовкой глагола **ХОУЕ** (*tj > /ч/).

В ЖФС нулевые формы 3 л. ед. ч. также представлены, их намного больше, но отмечаются они все только во второй части ЖФС: **Н НЗ ДОМОУ Я НЗГОНЯК СКОРѢК · НЖЕ Н ОУМОЛТИ ХОТЯ ШЦА · БОЛЬМН НЕЖЕЛН ПРЕЖЕ КЖЕ Ш ТОГО ЮЖЕ КЪ НМОУ ВЪРОУ ОУТВЪРДН · САМОГО ЛЮБА Ш ДШЕ** ЖФС 154 об., 4–9³; **ТАКЪМЪ БЫТИ ПОДОБАК БЕЗАКОННОМОУ СЛОУЖАЩАЯ** 137, 2–4; **Н ПО МНОГОУ КЖЕ ПОСТРАЖЕ РАЗЛНУНН · НАМЪ ЖЕ СЛОВО ЯЖЕ ВЪ ТМНЦН ШЦА НАПАСТНН ДА НЗВЕДЕТЬ** 130, 10–13; **Н ТОМОУ ВЪЗВѢЩАКТЬ ЯЖЕ Ш БОЛЕЗНН · КМОУ ЖЕ Н МНОЖЬСТВО ПЕУАЛН · БЕЛНН УЬСО Н СТРАСТЪНЪ ВЪЗЪПНЪШЮ · СЪРНЦЕ КОУПНО МНОЖЬСТВО ОУЧЕННКЪ** 165 об., 13–18; **КГО ЖЕ Н ВЪ РОУЦѢ ПРИКМЪШН · ПОМЫСЛНХЪ ВЪВЕРЕУН ВЪ ШГНЬ · ЕДА КАКО КГО ОУСТЫДѢВЪ СЯ · ОУДЪРЖН Ш МНОЖЬСТВА ПЛАМЕНЕ** 152, 1–4.

Хотя формы I спряжения (здесь 3-й лескиновский класс) явно преобладают, все-таки запрет на употребление нулевых форм II спряжения (4-й лескиновский класс) отсутствует, несмотря на то что такие формы были омонимичны аористу или повелительному наклонению и значительно реже употреблялись в разных источниках, включая берестяные грамоты. Кроме неясного первого контекста, нулевые формы во всех остальных случаях обозначают нефактивное, потенциальное действие, что подчеркивается совершенным видом большинства глаголов.

Между ЖНК и второй частью ЖФС есть одно небольшое совпадение совсем другого рода. И в том и в другом тексте встречается по одному примеру развития **-ТЬ > -ТН** перед клитикой **н** 'его': **ПОВАЖАКТИ Н** ЖНК 9, 10; **ШКЛЕВЕЩЕТИ Н** ЖФС 129 об., 16. Вероятно, оба случая принадлежат самому переписчику.

Во всех частях текста встречается во многих случаях новый ять в 3 л. ед. ч., что, вероятно, отражает дифтонгизацию гласного /е/ в новозакрытых слогах: **БОУДѢТЬ** ЖНК 1, 10; **ВЪСТАНѢТЬ** 3, 10; **ЖНДѢТЬ** 2, 9; **НАУЪНѢТЬ** 4, 11; **ВЕДѢТЬ** 17 об., 5; **ПРНДѢТЬ** 1, 14; **ПРНМѢТЬ** 19, 19; **УЪТѢТЬ** 24, 17 и мн. др.; **БОУДѢТЬ** ЖФС 60, 17; 79, 15; 82, 1; 92, 16; 154 об., 18; **ВЪВЕДѢТЬ** 51 об., 5; **ДА ВЪЗМѢТЬ СЯ** 161 об., 9; **ВЪННДѢТЬ** 66, 16; **ВЪСПРНМѢТЬ** 67, 7; **ЗОВѢТЬ** 162, 13; **НЗБЕРѢТЬ** 121, 16; **НЗВЕДѢТЬ** 140, 5 и мн. др.

Глагольные формы 3 л. ед. ч. наиболее широко отражают данное явление в силу своей частотности. Совершенно очевидно, что подобные написания принадлежат писцу. Поскольку, однако, данное явление встречается спорадически лишь в положении между мягкими согласными,

² В Словоуказателе издания СбВ, к сожалению, немало ошибок. Данная форма в указателе определена как 2 л. ед. наст. вр.

³ Вторая форма в контексте может быть и аористом 3 л. ед. ч.

его происхождение, вероятно, не обязательно обусловлено лишь падением редуцированных (см.: **КАМѢНЬ** 144, 18 (ВП); **КОРѢНЬ** 62 об., 5; **МѢУЬ** 113 об., 13; **МЯТѢЖЬ** 42, 3; **ПОГРЕБѢНИК** 150, 9 и мн. др.). Образование нового ятя, как известно, связывается с галицко-волынским происхождением рукописей.

Безусловно, переписчику принадлежит ранний пример утраты безударного гласного в окончании 2 л. ед. ч. -ншн: **ШЕРАТНШЬ** ЖФС 95, 13.

2. Имперфект совершенного вида

История и функционирование имперфекта в древнерусской письменности в последнее время снова находится в центре внимания исследователей прежде всего в связи с двумя типами образований — так называемым аугментным имперфектом и перфективным имперфектом (см.: [Гиппиус, с. 255–257; Живов, с. 200–224; Жолобов, 2010; Жолобов, 2014а, с. 134–135; Жолобов, 2014б; Зализняк, 2008б, с. 94–106; Крысько, 2011, с. 827–829; Крысько, 2014, с. 123–124; Макеева, Пичхадзе, с. 23; Мишина; Страхова, 2008, с. 219–225; Страхова, 2011; Тимберлейк; Stoll]). Оба типа форм обычно характеризуются как яркая примета рукописей, созданных именно в Древней Руси, круг которых, однако, значительно ограничен. Сомнение в сугубо восточнославянском происхождении перфективного имперфекта высказывал до недавнего времени только В. Б. Крысько.

В действительности, перфективный имперфект встречается уже в старославянских памятниках или их древнерусских списках, что доказывает его праязыковой генезис, вопреки Ю. С. Маслову (ср.: [Маслов, с. 137]). Перфективные имперфекты обозначали регулярные, многократные законченные действия в прошлом, в том числе сакрально-ритуализированного характера. Только в одном пассаже из Супрасльской рукописи может находиться сразу несколько имперфектов совершенного вида, а таких фрагментов в Супрасльской рукописи несколько. См., например, пассаж, в котором вспоминается известный евангельский эпизод о том, как всякий раз, как сходил (сойдет) ангел и возмущал (возмутит) воду, первый из больных, кто опускался в воду, всегда получал исцеление, а вот следующий после первого уже никогда не исцелялся (не исцелится)⁴: **СѢНДѢАШЕ ТАМО РЕЧЕ АНГЕЛЪ НЪ ВЪЗМЖШТААШЕ ВОДЪ** · **НЪ НЪЖЕ БН ВЪЛЪЗЛЪ ПО ВЪЗМЖШТЕННІ ВОДЫ** · **НАСЛАЖДААШЕ СА** · **НЦѢЛЕНЬА** · **СНДЕ АНГЕЛЪСКЪИН ВЛАДЪКА ВЪ ЙУРДАНЪСКЪА ВОДЫ** · **НЪ СВАТНВЪ ВОДНОЕ НЪСТЪСТВО ВЪСЪ ВЪСЕЛЕНЖЖ НЦѢЛНЛЪ** · **СЕГО РАДН** · **ТАМО ОУБЕ** · **НЪЖЕ СЕНДѢАШЕ ПО ПРЪВЪВМЪ** · **ОУЖЕ НЕ НЦѢЛѢАШЕ** Супр 248 об., 10–16.

Помимо выделенных имперфектов, ввиду контекстуальной рядоположенности к перфективным глаголам здесь могут быть отнесены и имперфекты **ВЪЗМЖШТААШЕ**, **НАСЛАЖДААШЕ СА**, которые вне контекста с одинаковой долей вероятности могут являться имперфектными формами как глаголов совершенного вида **ВЪЗМЖТНТИ**, **НАСЛАДНТИ СА**, так и глаголов несовершенного вида **ВЪЗМЖШТАТИ**, **НАСЛАЖДАТИ СА**. Подобное употребление имперфекта в данном кодексе в целом оказывается близким немногим древнерусским памятникам, в которых имперфекты совершенного вида являются довольно частотными, — таким, как Житие Феодосия Печерского, Повесть временных лет, древнерусский перевод «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия.

Данные СбВ чрезвычайно показательны для истории перфективного имперфекта. Имперфекты совершенного вида здесь, как оказалось, представлены во всех трех частях, но в разном количестве. В ЖНК, для которого предполагается южнославянское происхождение,

⁴ Ср. Ин 5: 4: **АНГЛЪ БГНЪ НА ВСА ЛѢТА СЪХОЖДААШЕ ВЪ КЪПЕЛЬ** · **НЪ ВЪЗМЪЩААШЕ ВОДЪ** · **НЪ НЪЖЕ ПЪРВЕ ВЪЛАЗААШЕ ПО ВЪЗМЪЩЕННІ ВОДЫ** · **САРАВЪ БЫВААШЕ** · **ТАЦѢМЪЖЕ НЕДОУГЪМЪ ШДЪРЖНМЪ БЫВААШЕ** ЕвТип 144в, 6–15.



находится по крайней мере 7 имперфектов совершенного вида, что составляет довольно большую величину, если иметь в виду небольшие размеры текста в целом. Перфективные имперфекты описывают регулярные, хабиутальные, установленные в качестве необходимых и непреложных действия главного персонажа агиографического повествования. Здесь наблюдаются перфективные имперфекты только 3 л. ед. ч., характеризующие св. Нифонта. См.: аще бо въ уѣто въпадаше лоукаво · толь скоро при||нмаше простыню жнк 19, 17 – 19 об., 1; н си гла науьншаше са бнѣти ꙗко съноу ѿбѣгнути раню тоу · н станшаше бѣдръ на мѣтвѣ · н по съконьчанн мѣтвѣ · глаше къ себе · възнман ннфшнте · аще ѣдын нлн пѣа слоужншн гѣу бѣу твоѣмоу без дреманнѣа · то дамь ти пакы ѣстн н пнтн 2 об., 5; н къ цркви ꙗкогда [sic] пондшаше · всѣмъ са покланшаше · а самъ съмѣжаше шчн · не хотѣ видѣти покланяющнхъ са ꙗмоу · ненавидшаше бо славы ѿлвѣскы · н ꙗкогда станшаше въ цркви бѣжнзын · зазраше себе гла · пришелъ ꙗко съмо шканнѣа да скверншн снѣ ѿлвѣскы · ш горе тебе сквернннчѣ 4 об., 18 – 5, 11; възшаше же н масла ѿ кандла стѣна бѣа · н помазаше са въ время съпаннѣа · чело н оушн н срѣце н плечн крѣста шеразно · н тѣмъ побѣжаше днѣвола · поую бо снлоу масла того ѿ стѣна бѣа · н помозавъ [sic] са толн оусъншаше 28, 8–16.

В ЖФС найдено 11 имперфектов совершенного вида, однако они очень неравномерно распределены по двум частям ЖФС. Если в первой части находится 8 перфективных имперфектов, то во второй – только 3. См.:

1 (1) н всюдоу преходѣа · всѣа ѿ трудоу обльгъушашеть 46 об., 1–3;

1 (2–3) н ннзы кннгы днбнѣ послоушашеть · н многоу сласть ѿ кзыхъ кождо нхъ · принмшашеть 53, 11–14⁵;

1 (4) како же бо платонъ всѣа н творѣа н гла не покоршашеть · оумоудрактъ нѣуѣто ш вѣшн 59 об., 14–17;

1 (5) нде же видшаше н посѣуаше · нн мала же въздраснтн штѣавнѣ · да не бѣгороднѣо подавѣать н доброплоднѣо 99, 6–11;

1 (6) н въноутрь н въ срѣцн плачѣ · ннкогда же оубо престаншашеть бѣхъма · ꙗже възвѣщаннѣ снречѣ ꙗже нзъ шчню текоущнѣа слъзы 48 об., 14–18;

1 (7) нн тѣ же бо патрнархъ ш себе лн бзвѣшѣмоу пособн · лн злоу сѣмоу бзѣтн соудн н цркви кромѣ · лн шцѣмъ не съпострадаше стражоущнмъ · нзъ моудроу нѣуѣто ш себе съмотрнѣ · да не бѣгороднѣо подавѣать н доброплоднѣо 72, 9–16;

1 (8) нже не штѣаншашеть са бѣщѣствоующе шного · не ꙗвѣ оубо нзъ въ оуглѣхъ 55, 5–8;

2 (9) н тѣло нмѣа степеню ранами · н ꙗже бнѣ показаше всѣмъ · н при||кляуѣшенѣ са на нѣмъ стрѣстнѣнѣа нсповѣда ЖФС 154, 16 – 154 об., 1 (в позднем списке «абіе» вместо бнѣ);

⁵ Стяженный имперфект глагола совершенного вида при||нати ‘принять, взять, получить’ при||нмшаше > при||нмаше. При глаголе несовершенного вида при||нматн ожидалась бы форма при||нмааше > при||нмаше.



2 (10) **ШНЪ ЖЕ ПОУЮДНЪ СѦ Ш СНХЪ · РАМОТРАШЕ ШКОУДОУ СНИ СЦЕ СОУТЬ · ВЪЗЪРЪ ТН ВЪЗДЪХЪ · Н ВНАЪ МНОЖЬСТВО БЕЩИСЛЪНЪХЪ УННОВЪ · ВЪ БЪЛАХЪ РИЗАХЪ** 168 об., 13–17;

2 (11) **НЕ ТОЛКА НЕ ШТАНАШЕ · НЪ Н БОЛЬМН ДЪРЗАЕТЬ · ВЪРОУ ЖЕ ПРАВОВЪРНОУЮ ЯКО ЖЕ НМЪ | НАШЕ КЪ ВСЕМЪ ПРОСТНРАЯ** 118, 5 – 118 об., 1.

К перфективным глаголам в *Slovník jazyka staroslověnského* (Praha, 1973. Т. II. S. 478), наряду с **ОБЪЛГЪУНТИ**, отнесен глагол **ОБЪЛГЪУАТИ** ‘облегчить’, с которыми соотносится имперфектная форма в ЖФС: **ОБЪЛГЪУАШЕТЬ** 46 об., 2. *Slovník* приводит единственный пример с аористной формой глагола **ОБЪЛГЪУАТИ**, обозначающей законченное действие в прошлом, из Супрасльской рукописи: **ОБЪЛГЪУА БРАТѸ ТОМОУ РАТЪ**. К перфективным имперфектам относятся **ПОКОРАШЕТЬ** 59 об., 16, **РАМОТРАШЕ** 168 об., 14 с кратким корневым гласным, как в перфективах **ПОКОРНТИ**, **РАМОТРНТИ**, в то время как длительные глаголы **ПОКАРАТИ**, **РАМАТРАТИ** исконно содержали долгий гласный (ср.: **ПОКАРАШЕ** 57 об., 1).

Употребление перфективных имперфектов в ЖФС значительно отличается от ЖНК. Они могут относиться к разным деятелям и далеко не всегда вписываются в классический нарративный тип описания регулярных, хабиутальных ситуаций, как это было в случае с ЖНК. Как стандартный прагматико-дискурсивный тип выступает по существу лишь контекст (5) ‘когда видел и всякий раз срубал (срубил, посечет)...’. К нему близки контексты (1), (2–3), где названы многократные завершённые действия. В них вместе с тем присутствует идея охвата действием максимально большого числа «объектов» и значение многократности обуславливается плюрално-дистрибутивным характером объектов действия. Корреляция с плюрално-дистрибутивным типом объекта или адресата действия выступает на передний план в контекстах (4), (7), (9), (10). В контексте (8) значение многократности действия коррелирует с дистрибутивной природой субъекта, чем и обусловлено появление единственной формы 3 л. мн. ч. перфективного имперфекта в СбВ.

В то же время употребление перфективных имперфектов в ЖФС отличает частотность отрицательных конструкций. На них как особую разновидность употребления перфективных имперфектов в древнерусской письменности недавно обратила внимание Е. А. Мишина, связав с «ситуацией напрасного ожидания», которая была выявлена и описана А. А. Зализняком в системе презенса (см.: [Мишина, с. 222–228]). Полагаем, что в случаях с отрицанием в претеритальной системе координат ядерные грамматические значения не меняются.

В когнитивном плане отрицательные значения создают напряжённую ситуацию экзистенциального выбора, поскольку «–» всегда существует в координатах и по сравнению с «+». В ЖФС внутренняя ситуация выбора отразилась в использовании однокоренных глаголов с разными приставками, ставших формой позитивного утверждения. Оно связано с формульными выражениями, в которые входят 2 однокоренных глагола с отрицательным значением прекращения или отказа от действия **ШСТАТИ** и **ПРЕСТАТИ** в контекстах (6), (8), (11): **НЕ ШСТАТИ** и **НЕ ПРЕСТАТИ** ‘постоянно возобновлять, вновь и вновь совершать действие’.

Хотя различия в употреблении перфективных имперфектов, безусловно, отражают неоднородность нарративных типов ЖНК и ЖФС, они свидетельствуют в той или иной мере и о расхождениях в речевых интенциях переводчиков. Если у переводчика ЖНК перфективный имперфект прочно ассоциируется с описанием регулярных, упорядоченных, хабиутальных, ритуализированных действий, то для второго переводчика актуальным также оказывается обозначение корреляции между многократностью действия и плюрално-дистрибутивным

характером прямого или косвенного объекта, а также субъекта действия, то есть для него была важной вся совокупность сложных факторов, определяющих употребление вариативных форм имперфекта. Если обычные имперфекты несовершенного вида коррелируют с континуальной собирательностью, то имперфекты совершенного вида тяготеют к собирательности дискретно-дистрибутивного типа (ср. именную параллель: **КАМЕНЕ** ‘отдельные камни’, **КАМЕННЕ** ‘совокупность камней’, **КАМЕНИА** ‘отдельные совокупности камней’). У третьего переводчика перфективный имперфект как прием своеобразной видовой контаминации отодвигается на периферию. Для него важны точные и однозначные способы выражения видовых значений. Эта сторона его речевых интенций и привычек более чем отчетливо проявилась в ранних примерах использования восточнославянского суффиксального показателя имперфективности *-ыва-*: **ПОКАЗЫВАТЬ** ЖФС 124 об., 6; **ПОМАЗЫВАА** 145 об., 12; **ПОМАЗЫВАХОУ** 117, 11 (в ЖФС ошибочно **КАЛЪМЪ ПОЗЫВАХОУ**); **ПРНВАЗЫВАЮЩЕ** 138, 3; **СЪКАЗЫВАТЬ** 164, 3. Не вполне очевидное видовое значение глаголов **ПОКАЗАТИ**, **ПОМАЗАТИ**, **СЪКАЗАТИ** было ему явно не по душе.

3. Имперфект с основами без чередования и с чередованием

В этом отношении также проявляется неравномерность распределения форм. Изоциренно правильные формы с чередованиями наблюдаются, пожалуй, только в первой части ЖФС: **КРАШАШЕ** 38 об., 17 (при **КРАСИТИ**); **ПРОХОЖАШЕ** 53, 2 (с древнерусским рефлексом при **ПРОХОДИТИ**); **ПРОХОЖАШЕТЬ** 63 об., 2; **ТАУЕ ЖЕ МНОЗН Н Ѡ БУЗАНТИА НСХОЖАХОУТЬ · Н СЪ ТЪЩАННЕМЪ КЪ СТОМОУ ПРНХОЖАХОУТЬ** 74 об., 1–4; **ОУХЪЦРАШЕ** 67, 12 (со старославянским рефлексом при **ОУХЪТРИТИ**). Встречается лишь одна форма без чередования: **ПРНВОДАХОУТЬ** 85, 8 (при **ПРНВОДИТИ**; ожидалось бы с древнерусским рефлексом **ПРНВОЖАХОУТЬ**). Прямо противоположная ситуация во второй части ЖФС. Здесь больше новых форм без чередования лишь при одной с чередованием: **ПРНВОДАХОУ** 104 об., 15; **ПРНХОДАХОУ КЪ НКМОУ** 126 об., 1; **ПРНХОДАХОУ** 167 об., 11; **ПРОСАШЕ** 150, 4; **ТЪЩЕСЛОВАШЕ** 104 об., 9 vs **ПРОХЛАШАШЕ** 136, 7 (при **ПРОХЛАДИТИ**). ЖНК находится ближе ко второй части, хотя данных тут недостает: **БЛАЗНАШЕ СЯ** 7, 3; **СЛЪЗАШЕ** 24, 4. Таким образом, переводчик первой части ЖФС склонен демонстрировать свою грамотность, что проявляется не только в использовании исконных форм, но и в инновациях. Переводчики ЖНК и второй части ЖФС отдают предпочтение новым формам.

4. Стяженный и нестяженный имперфект

В ЖНК нет нестяженных имперфектов. Нельзя точно сказать, является ли это ориентацией на новые формы или воспроизводством архаичной традиции, представленной еще в старославянской Саввиной книге. В ЖФС нестяженные имперфекты встречаются, хотя и в небольшом количестве. Вновь довольно определенно различается их употребление в первой и второй частях ЖФС. Первый переводчик придерживается прежней стратегии и использует несколько разных вариантов нестяженных форм различных лексем: **БЪАШЕ** 39 об., 13; **БЪАШЕТЬ** 46 об., 14; **БЪАХОУ** 68 об., 18; **БЪАХОУТЬ** 42 об., 7; 53 об., 13–14; **БЪАХОУТЬ** 42, 10; 53 об., 6; **ДОВЛЪАХОУТЬ** 53 об., 12; **НМЪАШЕ** 98, 11; **РАЗОУМЪАШЕ** 45, 7; **ВЪ ВЪСЪХЪ ВЪ ННХЪ ЖЕ НМЪАШЕТЬ Н ЗАСТОУПЪНКА ТЪРДА · ТВОРЪАШЕ У СЪТВОРЕНЪХЪ** 47, 10–13; **ТЪРПААХОУ** 69, 2.

Во второй части ЖФС у второго переводчика почти все нестяженные формы связаны с одним глаголом **НМЪТИ**: **НМЪАШЕ** 107, 11; 112, 4; 117 об., 7; 118, 18; 121 об., 12, 15 (2x); 123 об., 1; 125 об., 17; 129 об., 3; 131 об., 14; 137 об., 3; 138, 15; 161, 1, 9 (2x); 161 об., 7; 162 об., 3; 164, 3; **НМЪАШЕ** 163 об., 17; 166, 7. Причем нестяженные формы в этом случае



даже преобладают, что снова подтверждает высказанное выше наблюдение о стремлении к унификации в его работе. Ср.: **нмѣшѣ** 102 об., 1; 129, 12; 140 об., 3; 143 об., 1; 147 об., 14, 16 (2x). Кроме того, отмечены лишь 2 формы другого частотного атематического глагола: **бѣахѹ** 153, 4; в составе плюсквамперфекта 136, 16. Помимо атематических глаголов, встречается лишь один глагол иного класса — впрочем, также частотный: **хотѣашѣ** 129 об., 8. Тем не менее стяженные формы полностью преобладают во всем тексте: **бѣста** ЖФС 36 об., 17 (в окружении аористов, в том числе **бѣста** 37, 4); **бѣшѣ** 72, 16; 103, 14; 142, 16; **бѣхѹ** 136, 17; в составе плюсквамперфекта 134, 6; **бѣахѹ** 144 об., 4; 163, 2; **вндѣшѣтъ сѣ** 45 об., 14; 49 об., 14; 50, 9; **нмѣшѣ** 49, 4, 7, 10 (3x); 50, 13; 51 об., 10; 52 об., 11; 53, 7; 72, 17; 102 об., 1; 129, 12; 140 об., 3; 143 об., 1; 147 об., 14, 16 (2x); **нмѣшѣтъ** 47, 11; 55 об., 8; 82 об., 3; 89, 14; 91, 17; **нмѣшѣтъ** 63 об., 6; **молѣшѣтъ сѣ** 58, 6; **молѣшѣ сѣ** 117, 17; 147, 7; **прѣ||лагахѹ сѣ** 74, 18 — 74 об., 1; **прндѣржахѹ сѣ** 99 об., 4–5; **прнзѣвахѹ бо нхѹ** 118 об., 12–13; **прнкасашѣ сѣ** 39, 6; **прнкасашѣ||тъ сѣ** 39, 18 — 39 об., 1; **простѣрашѣтъ сѣ** 44 об., 17; **тѣснѣахѹтъ сѣ** 43 об., 15; **тѣщашѣ сѣ** 121, 4; **тѣщахѹтъ сѣ** 52, 9; **тѣрпѣшѣ** 141 об., 7; **ѹташѣтъ сѣ** 59 об., 6; **ѣвлѣшѣтъ сѣ** 50, 14; 85 об., 14; **ѣвлѣшѣтъ сѣ** 86, 10; **ѣвлѣшѣ сѣ** 155, 6 и под.

5. Так называемый аугментный имперфект

Употребление так называемого аугментного имперфекта лучше всего характеризует различия в языковых интенциях переводчиков. В ЖНК вообще не оказалось форм с добавочным **-тъ**, что только подтверждает его недревнерусское происхождение. Крайне необычно распределение имперфектов на **-тъ** в ЖФС. Их здесь очень много даже по сравнению с оригинальными текстами — 83 формы при общем числе имперфектов 311. По-видимому, это наиболее высокая концентрация имперфектов на **-тъ** в целом. Вместе с тем только 2 **тъ**-формы отмечаются во второй части ЖФС: **понмахѹтъ н** 142 об., 15–16; **хотѣшѣтъ же** 157, 9–10. Обе они соответствуют минимальным условиям — находятся перед энклитиками **н** и **же**. С минимизацией в употреблении **тъ**-форм, являющихся яркой приметой восточнославянских текстов, контрастирует максимальный уровень их употребления в первой части ЖФС. Именно высокая концентрация **тъ**-имперфектов — доказательство древнерусского происхождения ЖФС. Первый переводчик использует эти формы очень раскованно, во всех возможных условиях, что доказывает их связь с живым узусом. Вместе с тем создается впечатление, что морфосинтаксические правила употребления здесь не связаны с действием правила энклитик, и это подтверждает то, что сохранение перед энклитиками не было единственным условием распространения имперфектов с добавочным **-тъ**. Укажем некоторые из примеров «отступления» от правила энклитик — отсутствие **-тъ** перед энклитиками, с одной стороны, и наличие не перед энклитиками — с другой:

1) **вндѣшѣ бо** 47, 1; **посылашѣ же** 70, 18; **прнкасашѣ сѣ** 39, 6; **прѣ||лагахѹ сѣ** 74, 18 — 74 об., 1; **прндѣржахѹ сѣ** 99 об., 4–5; **прнзѣвахѹ бо нхѹ** 118 об., 12–13 и др.;

2) **комоуждо н по ѹнноу вѣздавашѣтъ · н ѹасть ѹьстн подавашѣтъ** 78 об., 5–7; **н бѣгохвѣльнѣ на всѣакъ дѣнь сѣмоу||нспоушѣшѣтъ гла** 57 об., 17 — 58, 1; **не нстннѣны мнхѹы мнѣшѣтъ** 53 об., 3–4; **н толнкою мнѣшѣтъ бѣгодатню** 57, 2–3; **н всюдоу прѣходѣа · всѣа ѿ троудовъ обѣлгѣшѣтъ** 46 об., 1–3; **н нны кннгы днѣвнѣ послоушашѣтъ · н многоу сласть ѿ кѣихъ кождо нхѹ · прнмѣшѣтъ** 53, 11–14; **любѣвью кѣ сѣмоу всюю прнхожашѣтъ · н**

ДОУШН ОУТЪШЕННѢ СЕГО БЕСЪДЫ ВЪ||ЛАГАШЕ 46 об., 16 — 47, 1; ДРЕВА
РАЗЛНУЪНАГА Н ВСАУЪСКАГА · СТОЯХУТЬ 44, 3—4; ТВОРИШЕТЬ сс
45 об., 16—17 и мн. др.

Если первая группа невелика по объему, то вторая, напротив, довольно значительна, так что напоминает процесс унификации **ТЬ**-форм. Для переводчика вариативность форм — свидетельство его грамотности и осведомленности, это своего рода клеймо мастера. В этом случае вариативность принимает механический характер.

Варианты форм наблюдаются в первой части ЖФС также и в 3 л. дв. ч.: **ЖНБЪШЕТА** 36, 15; **МЪНЪШЕТА** 37, 10; **БАСТА** 36 об., 17. Во второй части нет форм на **-ШЕТА**: **МНАСТА** 159, 11.

О. Б. Страхова [Страхова, 2011, с. 254] пыталась объяснить расхождение между двумя частями ЖФС тем, что в основу текста легли 2 списка, причем первый был современен написанию, а второй — очень ранний, относящийся ко времени, когда только начали развиваться «аугментные» формы на **-ТЬ**. Теперь, когда стал понятен двусоставный характер ЖФС, обусловленный работой двух переводчиков, необходимость в столь замысловатом сюжете отпала. Два переводчика могли быть только современниками, а расхождения, указанные выше, касаются разных грамматических характеристик, и именно вторая часть в них отличается меньшей архаичностью. Вторым переводчик избегал вариативности, чаще использовал инновационные формы. Вторым переводчик очень сдержанно использовал как перфективные имперфекты, так и имперфекты на **-ТЬ**, следуя стереотипу богослужебных текстов, в то же время допуская употребление нулевых форм презенса. А первый переводчик стремился оперировать всем существующим набором вариантов форм. Важно заметить, что в употреблении перфективного имперфекта между ЖНК и ЖФС в целом сохраняется единство, что может свидетельствовать как о преемственности книжных традиций, так и о праязыковой исконности перфективности в имперфекте. В содержательном плане употребление имеет различия, связанные с прагматико-дискурсивными особенностями ЖНК и ЖФС.

Источники

- ЖНК — Житие Нифонта Констанцского // СбВ. С. 69—133 (Л. 1—33).
ЖФС — Житие Феодора Студита // СбВ. С. 134—400 (Л. 33 об. — 171).
СбВ — Выголексинский сборник / Изд. подгот. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Гольшенко; Под ред. С. И. Коткова. М., 1977.
ЕвТип — Типографское евангелие, XII в. (РГАДА. Тип. 1), 193 л. Интернет-издание подгот. Е. В. Рябова, при поддержке ИАС «Манускрипт» (свободный доступ после регистрации: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=54366871).
Супр — Супрасльская рукопись, XI в. (Народ. библ. Варшавы. Собр. Зам. № 21 — 151 л.; Универ. библ. Люблины. Cod. Кор. 2 — 118 л.; РНБ. Q.п.72 — 16 л.), 285 л. Интернет-издание подгот. Е. В. Рябова-Чернова, при поддержке ИАС «Манускрипт» (свободный доступ после регистрации: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=85179364).

Литература

- Гиппиус А. А. Рекоша дружина Игоревы... — 3. Ответ О. Б. Страховой (Еще раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // *Palaeoslavica*. 2009. Vol. XVII/2. С. 248—287.
Гольшенко В. С. Введение // Выголексинский сборник / Изд. подгот. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Гольшенко; Под ред. С. И. Коткова. М., 1977. С. 7—66.
Живов В. М. Восточнославянское правописание XI—XIII века. М., 2006.
Жолобов О. Ф. Древнерусский имперфект в корпусе учительных сборников // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2010. № 4 (42). С. 5—11.
Жолобов О. Ф. О рефлексах инъюнктива в древнерусских книжных источниках // *Русский язык в научном освещении*. 2012. № 1 (23). С. 194—231.
Жолобов О. Ф. Презенс-футурум в Троицком сборнике (РГБ, Тр. 12) // *Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2013. Т. 155. Кн. 5. С. 30—39.



- Жолобов О. Ф. О рефлексах *ti-* и *t-* форм в древнерусском языке // *Russian Linguistics*. 2014. Vol. 38 (1). С. 121–163. (Жолобов, 2014а)
- Жолобов О. Ф. «Аугментный имперфект»? // *Journal of Comparative Studies*. 2014. Vol. 4 (33). С. 19–32. (Жолобов, 2014б)
- Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М., 2008. (Зализняк, 2008а)
- Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. Изд. 3-е, доп. М., 2008. (Зализняк, 2008б)
- Крысько В. Б. Морфологические особенности житийной части Софийского пролога // *Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь–февраль*. М., 2011. Т. II. С. 798–837.
- Крысько В. Б. Об издании Скитского патерика // *Вопросы языкознания*. 2014. № 5. С. 122–148.
- Макеева И. И., Пичхадзе А. А. Грамматические особенности древнерусского перевода // «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод / Отв. ред. А. М. Молдован; Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. М., 2004. Т. I. С. 19–26.
- Маслов Ю. С. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // *Вопросы славянского языкознания*. М., 1954. Вып. 1. С. 68–138.
- Мишина Е. А. «Ситуация напрасного ожидания» и отрицание // *Русский язык в научном освещении*. 2012. № 2 (24). С. 219–241.
- Пичхадзе А. А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.
- Пичхадзе А. А. Языковые особенности древнерусских переводов с греческого // *Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998 г. Доклады российской делегации*. М., 1998. С. 475–488.
- Страхова О. Б. Аугментный имперфект и две нормы: новый взгляд в свете статистических данных // *Palaeoslavica*. 2011. Vol. XIX/2. С. 240–293.
- Страхова О. Б. Рекоша дружина Игореву... К статье А. А. Гишпиуса о лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *Palaeoslavica*. 2008. Vol. XVI/2. С. 217–258.
- Тимберлейк А. Аугмент имперфекта в Лаврентьевской летописи // *Вопросы языкознания*. 1997. № 5. С. 66–86.
- Stoll S. On the desinence {-t^(o)} of the Early East Slavic imperfect // *Russian Linguistics*. 2000. Vol. 24. P. 265–285.